

О КОММУНИЗМЕ И БОРЬБЕ КЛАССОВ

Р. J.

Заметки 1972–1986 годов. Впоследствии собственно коммунистические идеи были преобразованы и обобщены в идеологии *унизма*.

* * *

Марксизм (вслед за Гегелем) постулирует единство разумного и действительного, и в частности он требует, чтобы любое философствование не отделялось от революционной практики. Однако при капитализме, в эпоху всеобщего разделения труда, не существует субъекта, способного в полной мере воплотить подобное единство, и оказывается возможным абстрактное развитие идеи коммунизма безотносительно к реальной осуществимости ее. Это подобно мысленному эксперименту в естествознании, когда даже заведомо нереализуемая ситуация оказывается в рефлексии отправной точкой для создания фундаментальных теорий, на основе которых ставится серия экспериментов, — чтобы в конечном итоге получить добротный рабочий инструмент.

* * *

Коммунизм — это строй, при котором люди зависят друг от друга духовно, но не зависят экономически.

* * *

Классовая борьба. В столкновении различных группировок господствующего класса гибнут тысячи людей, объективные интересы которых никоим образом не могут быть удовлетворены в результате этой борьбы. Так нужно ли вообще идти на баррикады, если надежды на победу никакой?

Ответ здесь не в субъективном решении: участвовать или самоустраниться. Если люди идут на смерть во имя чуждых им идей, ради ненужных им принципов или несбыточных надежд, — значит самопожертвование это объективно необходимо, значит, они просто не могут поступить иначе. Когда есть объективная потребность — появляются и те, кто станет ее деятельным воплощением, хотя бы даже вопреки самому себе.

Человечество оплачивает свой всеобщий опыт кровью невинных жертв.

* * *

Пролетариат и рабочий класс — не одно и то же. Рабочий класс лишь постольку является пролетариатом, поскольку он отчужден от средств производства. Современный капитализм, сплетая сеть разнообразных форм «участия» рабочих в капитализированной собственности, порождает расслоение рабочего класса изнутри, вплоть до внутреннего конфликта отдельного человека. Пролетариат в эпоху империализма — не просто совокупная рабочая сила, а весьма развитая классовая иерархия, уровни которой определяются степенью отчужденности от средств производства. При этом совершенно неважно, насколько велики доходы людей, или насколько они социально обеспечены. Наиболее передовая часть пролетариата — связана с наиболее передовой технологией, которая, как правило, является весьма дорогой, так что относительно меньшая степень «участия» в собственности может выглядеть сравнительно

высоким жизненным уровнем.

* * *

Капитализм погибает тогда, когда производство больше не нуждается в особом классе «организаторов», в каком-либо управлении извне. Если люди понимают, что они делают, и сами отвечают за конечный результат — им просто не нужны советы со стороны. А значит, и содержание всей административно-командной верхушки, присваивающей гораздо большую долю общественного богатства, чем они сами способны создать, — перестает быть экономической необходимостью.

* * *

С политической точки зрения, научно-техническая революция есть процесс консолидации интеллигенции в класс.

* * *

Строительство нового общества связано не с победой одного класса над другим, пролетариата над буржуазией. Как таковая, эта победа ничего не дает, если она не позволяет в кратчайшие сроки создать принципиально новую расстановку общественных сил, новую структуру производственных отношений, при которой противопоставление одних людей другим было бы просто невозможно. Именно поэтому с коммунизмом несовместима любого рода соревновательность, сравнение «вкладов» людей в общее дело. Каждый делает, что считает возможным, доступным, интересным и т. п. — или даже не делает вообще ничего. Независимо от этого, его существование признается необходимым для общества, столь же ценным, как и существование любого другого. Различия между людьми — в их общественном качестве, а не в количестве труда на общую пользу. Само понятие стоимости как количества общественно необходимого труда — теряет смысл, поскольку всякий труд в равной мере общественно необходим.

* * *

Нельзя строить новое общество из старых элементов. В новых условиях — новые люди; новые люди создают новую культуру.

Старая интеллигенция не годится для новой жизни. В будущее входит другая, внутренне перерожденная интеллигенция, которая, собственно, уже не может быть названа таковой, перестав быть особым общественным слоем. Переходный период от капитализма к коммунизму, после победы пролетарской революции, слома политического господства буржуазии, — это время стремительного вытеснения интеллигентов-специалистов широкими слоями бывших пролетариев, приобщающихся к ранее закрытым для них областям духовного производства. Революция призвана разрушить всякую кастовость, элитарность — она ломает барьеры профессиональной специализации, тем самым резко расширяя культурный кругозор всех членов общества, объединяя людей в творчестве, в сознании причастности к общему делу и возможности сполна проявить себя в нем.

* * *

Классовый субъект — это не просто организованный коллектив, не организм и не организация. Для того, чтобы класс стал субъектом, необходимо классовое самосознание: отдельные представители класса должны сознавать себя не только как самостоятельных личностей — но прежде всего именно как представителей класса. А значит, мотивы поступков определяются тогда в первую очередь классовыми интересами; личные симпатии и частные потребности при

этом отходят на второй план.

Ясно, что подобное единение не может быть идеалом коммунистической сознательности. Оно порождается классовым обществом — и должно отмереть вместе с ним.

* * *

Научно-техническая интеллигенция, в раннекапиталистическом мире представлявшая собой лишь особую прослойку, в большинстве своем тяготеющую к буржуазии, в эпоху империализма начинает играть особую роль в классовой борьбе. Экономическая причина этого — превращение науки в непосредственную производительную силу, стремительное повышение технологического уровня современной промышленности. Оставаясь особым классовым образованием, интеллигенция все чаще становится похожей на пролетариат. Действительно, нынешний интеллигент уже не может обойтись собственной головой как почти единственным орудием деятельности — ему требуются многочисленные приспособления для переработки больших объемов информации, доступ к технической документации, средства подготовки текстов и каналы публикации, наконец, наличие вспомогательной производственной базы, позволяющей воплощать новые идеи новыми средствами. Все это стало невозможно получить «кустарными» методами, в «домашних» условиях. Но, как и другие орудия труда, средства духовного производства при капитализме принадлежат буржуазии — и потому интеллигенту приходится наниматься к ней на службу, продавая не только свой ум, свой талант, свое творчество — но и свои убеждения, свою совесть. Как рабочий вынужден производить орудия классового насилия, ковать оковы самому себе, так интеллигенция в эпоху империализма вынуждена сама сковывать свой дух, подчинять фантазию и мысль пошлой коммерции, грубой лжи, духовному рабству. Отчуждение от своего труда, превращение в «духовную» рабочую силу ставит интеллигенцию в один ряд с пролетариатом. С другой стороны, высококвалифицированные рабочие наукоемких производств все меньше отличаются по уровню образования и творческим возможностям от научно-технической интеллигенции, срастаются с ней, привнося в классовую психологию интеллигента элементы пролетарского самосознания. В противоположность этому верхушка интеллигенции пропитывается идеологией империалистического капитала, пополняясь представителями господствующего класса, желающими поиграть в «честных тружеников».

Двойственный характер интеллигенции при капитализме: с одной стороны, интеллигент, как и рабочий, есть орудие в руках буржуазии — с другой стороны, он есть представитель буржуазии, субъект капиталистического способа производства. Сочетание двух тенденций: элитарность, кастовость, особое положение интеллигенции в обществе — и ее слияние с пролетариатом, экономическая тождественность ему. Внутреннее противоречие, ощущаемое как несоответствие своего места в жизни — своим возможностям и своему предназначению. Субъективное возмущение — и смутный протест.

* * *

Поскольку интеллигенция является особым общественным слоем, имеющим в частности и буржуазные корни, — она не может обладать «чисто пролетарским» сознанием. Философы-интеллигенты, чувствуя объективную недостаточность завоевания пролетариатом политической власти в его собственных интересах, не видят никакого иного решения проблемы, кроме попыток как-то соединить то, что кажется им положительным в буржуазной демократии с «коммунистическими идеалами», производя на свет многочисленные концепции «здорового капитализма» и «социализма с человеческим лицом». Капиталистическое разделение труда проявляет себя в сфере духовного производства замыканием интеллигенции в узких рамках профессионального мышления, отсутствием элементарной философской культуры. В результате процесс выветривания идейной путаницы из умов крайне мучителен и сопровождается частичным разрушением самой интеллигенции.

Было бы, однако, неправильно полагать, что для построения нового общества необходимо предварительное «очищение» интеллигенции от мировоззренческой эклектики. Разумеется, всякая революция предполагает некоторую идеологическую подготовку, распространение отдельных элементов нового мышления в самых широких массах. Однако только в практике, в процессе действительного преобразования общества, идеи могут получить сколько-нибудь законченное выражение. Никакая человеческая фантазия не может дать представления о том, чего еще нет, — а то, что уже есть, осознается обществом (через интеллигенцию как специально для этого предназначенный «орган») лишь в таких формах, которые отражают зрелость соответствующих общественных отношений.

* * *

Революции — результат борьбы основных классов. Однако они совершаются не в интересах одного из них, а ради переустройства общества на качественно иных началах, так что прежним классам в нем просто нет места — или, по крайней мере, они сохраняются лишь как пережитки прошлого, значительно изменившись в новых условиях. Противостояние рабов и рабовладельцев привело к исчезновению и тех, и других в сословной иерархии феодализма. Борьба крепостного крестьянства с крепостниками-феодалами поставила у власти буржуазию и породила многомиллионную армию пролетариата. Предполагать, что классовая борьба в капиталистическом мире приведет к победе пролетариата — по меньшей мере, наивно. Скорее можно было бы ожидать, что в результате коммунистической революции во главе общества окажется некоторая «третья сила», зарождающаяся в недрах капитализма, но не играющая пока заметной роли в общественных отношениях. Пролетарская революция поэтому — лишь переход к обществу без пролетариата, и победить она может только на основе принципиально непролетарской идеологии, носителем которой является особый социальный слой.

* * *

Три этапа революции:

Идеологическая революция. Кризис идеологии господствующего класса и созревание новой идейной основы, проникновение передовых идей во все слои общества, «культурный нигилизм».

Политическая революция. Разрушение политической надстройки, выдвижение новых принципов управления общественной жизнью.

Экономическая революция. Перестройка экономики в соответствии с новой расстановкой сил в обществе, постепенное преобразование производства на новых началах — вплоть до изменения его технологической базы; рождение новой материальной культуры.

Последний этап представляет собой переход от старого общественного устройства к новому. Именно этот переходный период определяет черты будущего общества так, как они должны сложиться объективно, а не в мечтах и иллюзиях революционеров.

* * *

Речь не идет о переходе к какому-то новому «равновесию» — коммунизм предполагает принципиальную «неравновесность», сознательное изменение общественных отношений — в противоположность стихийному развитию докоммунистических формаций.

* * *

Пролетариат завоевывает власть в ходе пролетарской революции — тем самым он перестает быть пролетариатом, уничтожает себя как класс. Такое уничтожение не происходит одномоментно — это длительный процесс перестройки производственных отношений,

общественных структур, общественного сознания. Тем не менее, диктатура пролетариата означает господство пролетариата как класса — однако господство не ради самосохранения, а наоборот, ради скорейшего изменения своего места в обществе, своей классовой смерти. Классовая борьба здесь — это, прежде всего, борьба с самим собой.

* * *

Никакая общественная структура не может родиться раньше, чем она станет объективной необходимостью.

* * *

Буржуазные критики много шумят о том, что диктатура пролетариата препятствует свободе слова, что средства массовой информации — и духовное производство вообще — полностью подчинены одному классу, подвергаются политической цензуре...

Такие разговоры есть лишь выражение заинтересованности буржуазии в том, чтобы подчинить духовную сферу своему влиянию, своей экономической (а часто и политической) цензуре. Свобода слова для буржуа — это свобода говорить то, что устраивает буржуазию как класс, что пропагандирует капитализм, выдавая его за естественное и единственно возможное состояние общества. Права человека при капитализме — это права собственника; тех же, кто лишен собственности, просто не считают людьми. Такое словоупотребление позволяет буржуа совершенно искренне проповедовать общечеловеческие ценности и всеобщее братство людей — поскольку из рассмотрения исключаются миллионы эксплуатируемых этими «людьми» пролетариев.

* * *

Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые вообще могли развиваться в недрах старого общества — в том числе и тех, которые придут на смену этому классу.

* * *

Апологеты капитализма всячески подчеркивают, что борьба рабочих за свои права ведет к нарушениям производства, снижая тем самым уровень жизни общества в целом. Тем самым рабочие вроде бы вредят самим себе. Эти господа видят лишь «леность рабочего класса», не замечая саботажа предпринимателей. Они представляют классовую борьбу односторонней активностью рабочих, тогда как капиталисты вроде бы лишь блюдут интересы производства «самого по себе», действуя во имя «общечеловеческих» ценностей. В действительности, однако, почему-то оказывается, что общечеловеческие ценности сосредоточены в кошельках буржуазии, — а чисто производственные интересы выгодны только зажавшимся буржуа.

* * *

Диктатура пролетариата не просто «эволюционирует» в коммунизм — переход к коммунизму предполагает ряд революций, качественных скачков, при сохранении общей направленности переходного периода.

* * *

Равенство для всех — буржуазная утопия. Предполагается, что каждый в состоянии сам, без помощи других людей, строить свое индивидуалистическое благополучие, не обращая внимания ни на кого. В действительности подобный идеал оборачивается провозглашением

равного права на существование для грабителя-капиталиста и бесправного пролетария, для хищника — и его жертвы. Общество должно ограничивать каждого человека, не давать ему злоупотреблять трудом других людей. Однако при коммунизме — это не внешнее, формальное ограничение; каждый осознает его необходимость и сам подавляет в себе хищнические позывы — не по обычаю, а по внутренней потребности, когда забота о благополучии других стала неотъемлемой частью души.

* * *

Установление диктатуры пролетариата — не просто обобществление средств производства, которые передаются здесь не обществу в целом, а только той его части, которая заинтересована в коммунистическом развитии. Лишь по мере углубления коммунистических преобразований средства производства становятся общедоступными и теряют оттенок собственности.

Диктатура пролетариата ни в коей мере не может позволить равное отношение всех к средствам производства — это означало бы дать оружие в руки классового врага. Точно так же, не всякое использование средств производства допустимо — а только такое, при котором исключается эксплуатация человека человеком. Принуждение в переходный период может быть только всеобщим, но никак не преимущественным положением одних общественных групп в ущерб другим.

* * *

В эпоху перехода от капитализма к коммунизму сознательным субъектом является не все общество — но и не какой-либо класс. Здесь вступает в силу совершенно новый принцип общественной организации: выделение того, что нужно для дела, а не того, что сложилось само по себе. Границы классов стираются с уничтожением различий в отношении к делу, с установлением новых границ, диктуемых интересами общественного производства и интересами людей, в нем участвующих. Разумеется, такие границы не есть нечто установленное раз и навсегда — они изменяются по мере вовлечения все новых людей в общее дело, усиления его влияния на общество в целом.

Как избежать при этом кастовости, сопротивления всякому расширению круга «посвященных»? Важно, чтобы всякое разделение общества происходило без какого-либо разграничения имущественных прав, сохраняя одинаковый для всех без исключения уровень жизни. В переходный период дело как раз и состоит в том, чтобы устранять всякие границы; тем самым выделение новых классов просто исключено.

* * *

Пролетарская революция не сводится к простому захвату политической власти, к созданию некоего «пролетарского» государства взамен государства буржуазного. Точно так же, «пролетарская национализация» есть отрицание, полная противоположность буржуазной национализации лишь потому, что пролетариат и буржуазия — две стороны одного капитализма; тем самым «пролетарская» и буржуазная национализация есть одно и то же. Экспроприация, передача собственности из одних рук в другие, пусть даже и руки широчайших масс, — ни на шаг не приближает общество к бесклассовому будущему, поскольку сохраняется собственность как таковая. Собственность общества в целом — бессмыслица. Собственность предполагает «мое» — и «не мое»; когда нет ничего «не моего» — нет и собственности. Поэтому огосударствление собственности, национализация, — лишь переход от одной формы собственности к другой, сохраняющий в скрытом виде все противоречия капитализма. И потому отношение к государственной собственности при социализме было лишь отношением к «чужому» — в противоположность «своему». Национализация не передает общественное достояние народу, людям. Меняется лишь способ присвоения этого достояния

господствующим классом, организацией которого и является государство: вместо индивидуального — коллективное присвоение, вместо рыночной конкуренции — политическая борьба.

* * *

Социально-политическое принуждение есть прежде всего следствие различий в экономическом положении различных слоев общества; это принуждение есть лишь развитие и внешнее выражение принуждения экономического. С другой стороны, политика активно влияет на экономическую жизнь и может либо замедлить, либо ускорить экономическое развитие. Однако и в этой своей функции социальное принуждение есть лишь способ воздействия экономики на самое себя — а отнюдь не что-либо существующее по собственному произволу.

В переходную эпоху, когда одна общественно-экономическая формация должна смениться другой, революционное насилие служит разрушению старых экономических форм. Это революционное насилие, с другой стороны, должно помочь формированию новых производственных отношений, создавая новую форму «концентрированного насилия», государство диктатуры пролетариата.

* * *

Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса ради господства над обществом в целом. Всякий класс наиболее организован тогда, когда он конституировался как государственная власть. Поэтому при капитализме буржуазия обладает значительно более развитым классовым сознанием, нежели пролетариат. Поэтому и борьба пролетариата с буржуазией, будучи способом становления пролетариата как класса, есть главным образом борьба политическая, борьба за власть. Как только политическая власть оказывается в руках пролетариата, он должен либо переродиться, превратившись в свою противоположность, новую буржуазию, — либо устранить из жизни общества политическое господство как таковое; единственный способ здесь — сделать социальное принуждение всеобщим, подчинив ему в равной мере все общественные слои. Коммунизм не может быть построен каким-либо классом — это дело общества в целом. А значит, диктатура пролетариата не есть только насилие пролетариата над буржуазией — она предполагает также организованное принуждение по отношению к самому пролетариату, вытеснение «пролетарской» идеологии — идеологией коммунистической. Иными словами, в переходный период государство есть главным образом форма сознательной самодисциплины трудящихся масс.

Разумеется, такого рода сознательная самодисциплина далеко не сразу пропитывает собой сознание каждого. Поначалу это своего рода «партийная» дисциплина, то есть подчинение каждого некоторой внешней необходимости, формальным требованиям. Однако такие требования объективно устанавливаются не какой-то другой силой — но самим революционным классом, — и выражают они коллективную волю масс, обязательную для каждого. Этот элемент внешнего принуждения возрастает по мере движения от коммунистического авангарда к менее сознательной, менее организованной, более отсталой социальной периферии, включающей слои, проникнутые пережитками капитализма, феодализма — и более ранних общественных систем. Однако, по мере вовлечения все более широких масс в процесс коммунистического строительства, такая периферия постепенно сокращается, так что внешнее принуждение для всех членов общества становится преимущественно самопринуждением, сознательным самоограничением и подчинением личных интересов интересам общества в целом.

Коммунистическое общество предполагает отсутствие всякого принуждения по отношению к кому бы то ни было — в том числе и самопринуждения. Это означает, что между личными и общественными интересами больше нет противоречий: личные интересы представляют собой

общественную необходимость, а потребности общественного развития становятся личными потребностями каждого человека. Путь к такой свободе от внешнего принуждения лежит через самопринуждение, самодисциплину.

В капиталистическом обществе всякая деятельность подчинена интересам господствующего класса, даже когда она принимает форму свободной инициативы. При коммунизме принуждение уступает место свободе, и человеческая активность становится в полной мере самостоятельностью. В переходный период самостоятельность трудящихся масс сосуществует с принуждением, установленным самими трудящимися в общих интересах. Противоречие между самостоятельностью и принуждением выражает собой противоречивый характер самого переходного периода, когда пролетариат уже вышел за рамки своей классовой природы — но еще не сделался сообществом личностей, для которых труд есть первая жизненная потребность, источник высочайшего наслаждения.

* * *

Зарождаясь как синкретическое единство, всякий класс приобретает со временем внутреннюю расчлененность, объединяя в едином классовом целом относительно обособившиеся общественные слои. И на общественное развитие оказывает влияние не только борьба классов, но и внутриклассовые движения, которые становятся особенно существенными в кризисные эпохи и во время революций.

Пролетариат приходит к своему господству как класс. Но это отнюдь не означает, что каждый пролетарий отныне может указывать пути к светлому будущему всем остальным. Значительная часть пролетариата лишь смутно чувствует правильное направление — однако классовое чутье, верой и правдой служившее пролетариям в классовых боях, теряет почву под ногами, когда требуется бороться прежде всего с самим собой, с капитализмом внутри себя. В переходный период основная опора нового строя — передовая часть пролетариата, его наиболее развитые и сознательные слои. Более того, революция приводит в лагерь пролетариата множество лиц непролетарского происхождения — и зачастую именно они становятся выразителями интересов пролетариата, средством его самоосознания.

Конечно, между авангардом пролетариата и его основной массой нет непроходимой грани. Наоборот, происходит постоянное вовлечение в передовой слой все новых и новых сил. Если до завоевания пролетариатом политической власти этот процесс был направлен на консолидацию пролетариата в класс, — диктатура пролетариата использует просвещение широчайших масс для вытеснения остатков капиталистической идеологии, как буржуазного, так и «пролетарского» крыла.

* * *

Диктатура пролетариата призвана устранить непонимание и неприятие общественных интересов и задач коммунистического строительства, вызванное пережитками самых разных уровней: классовое противостояние, цеховая и сословная ограниченность, клановость и семейственность, общинность, этнические предрассудки и национализм.

* * *

Режим трудовой повинности и планового распределения производительных сил — вынужденная мера в послереволюционный период. Однако сам по себе он не имеет ничего общего с пролетарским самопринуждением и самодисциплиной. Подобные явления вполне возможны и в рамках капитализма, отвечая задачам сохранения капиталистической общественной системы. Продвижение к коммунизму характеризуется прежде всего уменьшением доли принудительных работ по сравнению с долей свободного труда; для государства диктатуры пролетариата одна из основных задач — смягчение принуждения уже в

пределах обязательной нормы труда, за счет развития сети профориентации и переквалификации.

* * *

Принуждение при диктатуре пролетариата во всех своих формах, от трудовой повинности вплоть до расстрелов, — это процесс выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи. Пролетарская диктатура — переход к новому типу общественного устройства. Капитализм доводит до предела разобщенность и противоречивость в общественных отношениях, отчуждает человека от самого себя. Диктатура пролетариата выражает собой наивысшую точку классового раскола — но именно с нее человечество начинает собираться вновь. Все классы, все социальные слои перерабатываются в этом котле, теряют свои специфические особенности и отличительные признаки — распадаются как особые общественные образования. Сам пролетариат точно так же снимает свою классовую природу, сливаясь с общественным целым. Однако первым орудием такого переустройства общества служит именно пролетарская диктатура. Будучи концентрированным насилием, она в конце концов уничтожает какое бы то ни было насилие. Будучи наивысшим выражением классовых интересов, она уничтожает всякие классы. Организованная как государственная власть, она подготавливает гибель всякого государства и политической власти как таковой. Ведя борьбу за свое собственное существование, она стремится к устранению самой себя.

* * *

В коммунистическом обществе на место дисциплины и самодисциплины встанет простое влечение к труду нормального общественного человека — и внешние нормы человеческого поведения потеряют всякий смысл.

* * *

Капитализм на ранней стадии своего развития приводит к образованию наций, представленных капиталистическими государствами. Созревание капиталистических общественных отношений, поэтому, сопровождается ростом национализма, активным сепаратизмом и подъемом национально-освободительных движений. Нации объединяют внутри себя различные классы и общественные слои, делают капиталистическое государство самостоятельным субъектом на международной арене. По отношению к другим нациям, к другим государствам, интересы буржуазии и пролетариата одной страны отчасти совпадают — что затрудняет рост классового сознания пролетариата и препятствует распространению коммунистических идей. Однако классовые противоречия не исчезают, они лишь переходят на новый уровень, воспроизводятся в межнациональных отношениях. Происходит расслоение государств, подобное процессу формирования буржуазии и пролетариата в период первоначального капиталистического накопления. Тем самым капитализм вступает в новую фазу своего существования — в эпоху империализма.

На стадии империализма усиливаются тенденции к образованию разного рода межгосударственных объединений, выражающих расстановку основных экономических сил на мировой арене. Военное противостояние — одна из форм международно-классового расслоения. Как и внутри каждой нации, в любой из межнациональных группировок свирепствует капиталистическая конкуренция — однако общие интересы противостояния другим группировкам заставляют конкурирующие страны держаться вместе, устраивая друг другу мелкие пакости за спиной. Особенно сплоченными становятся ведущие капиталистические державы, когда в одной или нескольких странах пролетариату удается захватить государственную власть — капитализм как строй делается устойчивее, объединяя все силы на борьбу с общим врагом. Тем важнее классовое единство в рядах пролетариата —

вплоть до объединения государственных систем. Только так пролетарская диктатура может выжить во враждебном капиталистическом окружении — и втягивать в революционный процесс все новые народы, ограждая их от карательных акций империализма. Для диктатуры пролетариата — национальные особенности никогда не выдвигаются на первый план, полностью подчиняясь общепролетарским задачам. Не может быть «внутреннего дела» каждой нации — и прежде всего в области экономики. Коммунистическое общество предполагает и возникновение новой общности, отличной от любых старых этнических образований. Построение такой общности невозможно при сохранении национальных государств.

* * *

Государственность диктатуры пролетариата прямо связана с сопротивлением внутреннего и внешнего капитализма. Государство не может отмереть в обстановке постоянной внешней угрозы. Только победа пролетариата в мировом масштабе (то есть завоевание им преобладающей доли в мировой экономике) делает излишней всякую государственность вообще.

* * *

Социализм и коммунизм нельзя завоевать в политической борьбе — более того, борьба партий мешает становлению нового общества. Однако это не означает невозможность построения социализма *в условиях* классовой борьбы — других условий нет. Нужна организация, способная пробиться через политические рогатки. Но не партия, а *организация нового типа* — прототип будущего общественного устройства.

Программа коммунистической партии должна прежде всего выделять главные направления работы — те идеологические позиции, которые отличают эту партию от других, мировоззренческую основу. Типичная черта программ буржуазных партий — хаотичность, равноправность общего и единичного, отсутствие классовой отнесенности. В результате программы разных партий становятся практически одинаковыми — и потому ненужными; часто буржуазные партии вообще не имеют программ, заменяя их пустыми абстракциями предвыборных платформ. То, что на самом деле объединяет членов партии, классовый интерес — остается в тени. Однако, при всей пестроте политических течений, при всех внешних противостояниях, они как целое противостоят коммунистической идеологии — и это подчеркивается в самом строении партийных программ.

Выделение идеологической основы — не предполагает тезисности, стремления уместить все в несколько страниц. Текст программы может быть сколь угодно развернутым; более того, он допускает дальнейшее развертывание каждого положения — либо наоборот, свертывание детализаций в общие принципы. Такая иерархичность отличает программу коммунистической партии и от буржуазного права, с его жесткими определениями, на практике неприменимыми никогда. Подведение под правовую норму, поиск подходящей статьи в кодексе — скрывают подлинный механизм буржуазного правосудия, следование классовым интересам. Напротив, соотнесение коммунистической программы с частными ситуациями не сводится к применению готовых норм — оно предполагает особое развертывание иерархии, сохраняющее высшие уровни как принципы построения своего рода мини-программ, относящихся к данному вопросу — и только к нему.

Не просто мечтать — но искать идеологическое выражение тому, что происходит в действительности.

* * *

Коммунизм не признает национализма. Коммунист поддерживает любые национально-патриотические движения лишь тогда, и в той мере, в которой они отвечают интересам

коммунистического переустройства мира. Не может быть солидарности вообще: там, где буржуазия прячет корысть за возвышенными фразами, коммунист открыто провозглашает свой классовый интерес, четко указывая коммунистические элементы в каждом этническом течении, при любых ссылках на самоопределение и суверенитет.

Капитализм — необходимо порождает национальные государства. «Национального» же коммунизма быть не может: пролетарская диктатура осуществляется только в едином сообществе многих народностей. Нельзя строить коммунизм в нескольких независимых государствах — такое, пусть даже чисто формальное, обособление неизбежно ведет к расколу коммунистического движения вообще — и к поражению в классовой борьбе.

* * *

Коммунизм стремится подчинить своему влиянию весь мир. Но отнюдь не военной силой, и не путем пропагандистской экспансии. Прежде всего, требуется завоевать экономическое господство, весомое преобладание в мировом хозяйстве. Только тогда можно говорить о диктатуре пролетариата в мировом масштабе, тем самым снимающей самое себя.

* * *

Борьба пролетариата в каждой стране с национальной буржуазией — составная часть мирового революционного процесса. Одно немыслимо без другого. Коммунистическое движение в целом предполагает решение многих частичных задач; победа пролетариата в национальных рамках невозможна без поддержки коммунистических сил всего мира. Однако, как и в случае национально-освободительных движений, не все в классовой борьбе может быть однозначно отнесено к коммунизму. Формальный критерий здесь — отношение к диктатуре пролетариата. Более глубокое определение — отношение к собственности. Наконец, в полной мере то или иное движение пролетариата характеризуется его внутренним классовым строением, его экономическим содержанием.

* * *

В эпоху империализма определяющими становятся международные аспекты любого общественного явления; именно они представляют его всеобщее содержание. В частности, пролетарские движения в отдельных государствах становятся лишь различными формами коммунистического движения в целом. Противоречия между ними — свидетельство незрелости мирового пролетариата, его неспособности противостоять мировой буржуазии как класс.

* * *

Относительное единство мирового хозяйства есть причина мирового характера всякой революции в эпоху империализма; неравномерное развитие капитализма есть причина неравномерного развития мирового революционного процесса. Классовая борьба на международном уровне воспроизводит, в специфической форме, основные черты классовой борьбы в пределах одного капиталистического государства. Так, колонии и полукolonии были сырьевыми придатками развитых капиталистических держав, подобно тому, как города в целом эксплуатировали на ранних этапах капитализма огромные массы крестьянства. Однако впоследствии, с изменением структуры производства, колониализм в чистом виде стал невозможен; крестьянство же, постепенно встраиваясь в хозяйственный механизм капитализма, превратилось в один из слоев рабочего класса — сельскохозяйственный пролетариат.

* * *

В случае разногласий — решает пролетариат, и только пролетариат.

* * *

Нельзя представлять себе дело так, будто капитализм постепенно становится все слабее и слабее, а пролетариат все сильнее. И если капитализму суждено в конце концов погибнуть — то вовсе не от общей дряхлости, а только из-за присущих капитализму противоречий, когда они будут доведены до крайней черты.

* * *

Реформизм в коммунистическом движении на ранних стадиях развития капитализма есть идеологическое выражение недостаточно резкого социального расслоения, когда основные классы нового общества еще не сложились, еще не оформились как политические противоположности.

В эпоху империализма появляется другой источник реформизма — социальное расслоение уже сложившихся классов пролетариата и буржуазии. Такая внутренняя классовая неоднородность — уже не пережиток докапиталистических отношений; теперь это предпосылка нового общественного устройства, размывание классовости как таковой.

Дело не просто в подкупе «рабочей аристократии», или в обнищании мелкой буржуазии. Наоборот, сам «подкуп» становится возможен вследствие объективных экономических и социальных процессов, реально изменяющих общественное положение различных слоев буржуазии и пролетариата.

* * *

Квалифицированный рабочий — ближе к инженеру, чем к необученному разнорабочему. С другой стороны, рядовой инженер гораздо ближе к пролетариату, чем к буржуа. Размывание классов, взаимопроникновение их, — порождает особую прослойку между буржуазией и пролетариатом; эта прослойка служит одновременно и межклассовым барьером — и своего рода мембраной, насосом, обеспечивающим взаимное культурное влияние противоположных классов.

* * *

По отношению к рабочему классу, скажем, Таиланда — американский пролетариат в целом представляет собой «рабочую аристократию»; однако внутри этой «рабочей аристократии» имеется своя «аристократия», представляющая собой наиболее реакционную верхушку мирового пролетариата.

* * *

Пролетариат не может быть идеологически отделен от буржуазии, поскольку его идеология — лишь обратная сторона идеологии буржуазной.

* * *

Когда рабочий класс сознает себя субъектом истории, а не ее материалом, когда он действительно организует производство, направляет его на удовлетворение своих действительных потребностей, — это по-настоящему творческая сила, способная отыскивать и пускать в дело все новые ресурсы, способная в любых условиях сохранить высокие темпы

экономического развития. И наоборот, чувство собственной второстепенности, незначительности, социальной подавленности — источник варварского, разрушающего отношения ко всему, что создано человечеством на протяжении веков. Бескультурие — неотъемлемая часть буржуазной культуры.

* * *

Свобода печати — не абстрактный принцип, а лишь один из элементов способа производства вообще. Если производство достаточно развито, если отдельные задачи его могут решаться небольшими группами людей, — оно должно быть децентрализовано. Соответственно, если печать технологически способна стать децентрализованной, и если она уровень сознания ее работников достаточен, чтобы обеспечить идеологически выдержанное производство, — печать свободна. Феодальный абсолютизм породил грубую политическую цензуру. Капиталистическое государство располагает обширным запасом форм экономической цензуры, позволяющей в большинстве случаев неявно контролировать прессу. Тем не менее, при малейшей угрозе основам буржуазной идеологии — капитализм решительно прибегает к прямому централизованному контролю над средствами массовой информации.

Переход к новому типу общественного устройства, предполагающий значительные изменения в сознании людей, неизбежно потребует весьма жесткой политической цензуры. Однако, если идеологическое влияние на прессу ограничится только этим, — любое ослабление цензуры выпустит на свободу только буржуазный гной. Надо не прятать рану — а лечить ее. Сами люди должны быть воспитаны таким образом, чтобы идея реставрации капитализма просто не приходила им в голову, чтобы идеологическая основа не оседала в их головах пустыми лозунгами — а становилась бы ключом к пониманию любых событий, к видению материальной подоплеки человеческих действий и фраз.

* * *

Социальная революция, поскольку она вытекает из борьбы классов, обязательно имеет политическую сторону. Разумеется, характер этой борьбы в значительной мере определяется состоянием экономики, и революционная ситуация невозможна без общеэкономического кризиса.

* * *

Изменения, происходящие при переходе от капитализма к социализму, — совсем другого типа, нежели качественные скачки при переходе от одной классовой формации к другой — и тем более отличаются от изменений, связанных с развитием одной формации (например, переход от «классического» капитализма к империализму). Тем самым, имеется иерархия формаций, и каждый тип общественного устройства предполагает свои подуровни. Соответственно, способ перехода от одной формации к другой — зависит от уровня. В частности, социальные революции отмечают границы эксплуататорских формаций.

* * *

Новому обществу нужен новый человек. Но такой человек не возникает постановлением свыше, не является божественной красотой из капиталистической пены. Более того, человека старой закваски, выросшего на идеологической почве капитализма, невозможно, как бы он сам этого ни хотел, «переделать» в «коммунистического» человека, лишенного пережитков прошлого в своей идейной чистоте.

Люди, рожденные в недрах капитализма, могут лишь создать условия для некапиталистического воспитания новых людей; это все еще не будут люди коммунистического склада — но они смогут увести жизнь немного дальше от буржуазного

«гражданского общества», и в этой жизни будут воспитываться те, кто пойдет вперед. Только в смене многих поколений изживаются капиталистические уродства человеческих душ. И делается это не какими-то особыми средствами воздействия на людей, не вдалбливанием в головы новых моральных ценностей, лозунгов и правил; главное здесь — материальные условия жизни и деятельности, быт. Последовательное устранение бытового неравенства, снятие любых отличий и привилегий (хотя бы даже только моральных), равномерное повышение жизненного уровня общества в целом, а не отдельных его слоев — вот основные инструменты воздействия на людей, направляющие их в сторону действительно человеческого общества, в котором каждый живет для себя, а не ради того, чтобы кого-то обогнать или хотя бы не отстать.

* * *

Всякая диктатура, и в частности диктатура пролетариата, — это сосредоточение власти в руках той или иной общественной силы. Но такое сосредоточение предполагает, что сама эта сила не связана собственными законами — и может менять их по мере необходимости. Для правящего слоя единственный закон — его собственное решение. Буржуазия пытается прикрыть свою диктатуру фиговым листком законности, прячась даже от самой себя. Бесклассовое общество можно строить только сознательно — и потому диктатура пролетариата предельно откровенна.

* * *

Демократия, выборность — явление чисто буржуазное. Советы начинались не с этого, и только после революции обююрократились. Любые выборы — это бессмысленная формальность, ибо при этом не существует возможности *реально* проявить свою волю, и по сути дела, нет никакого выбора. Демократия есть способ утверждения того, что угодно верхам; она не предполагает *реальной* возможности отклонить предложенное — и следовательно, никакой инициативы снизу. Агитационная машина в руках властей, нельзя даже безнаказанно уклониться от выборов...

По-настоящему коммунистическим решением было бы честно заявить об отмене всякой выборности, и о прямом партийном контроле в кадровых вопросах. Откровенная партийно-бюрократическая диктатура — лучше, чем скрытая буржуазность. Разумеется, и сама партийность — пережиток капитализма. Но явный враг — лучше того, что прячется под маской друга.

* * *

Взяточничество всех уровней было в советское время возведено в систему — блат. Искусственное насаждение сверху и снизу, подразумеваемая нормальность. Тем самым создается противоречие между реальностью и воспитанием, подтачивающее личность — и общество.

* * *

Бюрократия — естественное следствие расслоения общества, вызванного отношениями собственности. Капитализм не может обойтись без бюрократии, это один из барьеров которыми правящий класс отгораживается от эксплуатируемого большинства. Препраждая массам путь наверх, бюрократия становится также своего рода демпфером, смягчающим для буржуазии последствия социальных потрясений: есть на кого свалить вину, обвинив в «некомпетентности» или «коррупции». Если бы даже чиновники при капитализме были непродажны, их продажность следовало бы выдумать. Однако буржуа избавлены и от этого труда, поскольку «разложение» чиновничества есть неотъемлемая черта бюрократии вообще.

Материальная основа бюрократии — неразвитость производства, его раздробленность на

тысячи отдельных производств, связанных в основном меновыми отношениями, высшей формой которых является капиталистический рынок. Если связь производств не принадлежит самому производству, накладывается на него внешним, случайным образом — она представлена особой, непроизводственной структурой — административным аппаратом. Чем раздробленнее производство, чем сильнее рыночная стихия — тем более разветвленная сеть чиновников требуется для объединения экономики в нечто целостное. Поскольку же капитал становится самодовлеющим, поскольку он все большей своей частью сосредотачивается в сфере обмена и оттекает от производства — армия управленцев становится относительно независимой, превращаясь в особый социальный слой — бюрократию.

Выделение чиновничества в самостоятельное сословие связано с дополнительным культурным расслоением общества. Вполне естественно, рабочий, попадая в гущу управленческих проблем, испытывает почти непреодолимые трудности, поскольку он не посвящен в «цеховые секреты» бюрократии. Специальные программы обучения управленцев способствуют дальнейшей профессионализации делопроизводства, вырабатывая систему бюрократических стандартов. Управление все больше отчуждается от производственной деятельности — и становится возможным образование «номенклатуры», для которой все равно, чем управлять, — лишь бы управлять.

Диктатура пролетариата не может сразу устранить бюрократию, коренным образом изменить систему управления, пока остаются в силе материальные причины бюрократизации общества — слаборазвитость и раздробленность производства. Никакие декреты, никакие драконовские меры против коррупции или массовые кампании по вовлечению трудящихся в управление производством — не способны искоренить бюрократическую заразу, поскольку борьба с бюрократией ведется собственно бюрократическими методами. Периодические чистки в верхах — лишь заменяют одних бюрократов на других; пропаганда антибюрократических настроений и травля бюрократов всеми имеющимися средствами — только усиливают приспособительные способности бюрократии, развивают все более тонкие и изощренные методы разложения чиновного сословия. Репрессивные меры необходимы диктатуре пролетариата — но лишь как дополнение мер экономических.

* * *

Коллективизм в его сегодняшнем, пошлом понимании — это принадлежность коллективу, жизнь его интересами. То есть, не интересы общества в целом, не действительно общие интересы — а всего лишь местничество, кастовость, элитарность.

Коллективизм в его исходном, коммунистическом смысле — это прежде всего индивидуальное развитие каждого, то есть освобождение каждого от любых сословных ограничений, превращение в человека для общества, а не только для одной из общественных групп (и, следовательно, лишь для себя).

Буржуазный индивидуализм — обратная сторона столь же буржуазного «коллективизма», прямое выражение сословных различий.

Абсолютный коллективизм = абсолютный индивидуализм. И нужно дойти до определенной степени развития индивидуализма, чтобы могло возникнуть общество уважающих друг друга людей.

* * *

Основная функция диктатуры пролетариата — создание политических условий для расширенного воспроизводства новых производственных отношений, предполагающих отсутствие политической надстройки как таковой. Тем самым диктатура пролетариата есть переходная форма государственности, соединяющая в себе черты государства и негосударства. В частности, диктатура пролетариата не может быть «правовым государством» — поскольку ее

задачей как раз является устранение всякого права.

* * *

Революцию нельзя купить. И делаются революции не кучкой политиканов, а широчайшим подъемом народных масс. В отличие от государственного переворота, революция не сводится к переделу собственности и власти — речь идет об изменении всего общественного устройства, и следовательно собственности и власти как таковых.

* * *

Любая революция — шаг к освобождению человека. Можно не видеть будущего, не понимать своеобразие текущего момента. Однако при этом необходимо знать, где человек несвободен, где он нуждается в освобождении. Стремление к свободе — первая и единственная черта человека. Но ожидать, что оно проявится само по себе — невероятное безумие. Не пассивно созерцать наплывающие перемены, а бороться за них, звать людей к свободе.

Как мешает наша самовлюбленность, ориентация на успехи и достижения! Конечно, сравнивая себя с капитализмом, мы видим, что ушли далеко вперед, — хотя и то далеко не во всех отношениях. Но почему мы меряем себя вчерашним днем? На одних воспоминаниях далеко не уедешь. Надо жить для будущего, думать о нем, измерять все свои дела мерками будущего.

* * *

Революция предполагает соединение передовых идей времени с массой, народом. Пока история была историей классового общества, главные идеи были почти одинаковы на каждом рубеже: свобода, равенство, братство. Именно абстрактный характер этих лозунгов позволял наполнять их новым содержанием в каждую историческую эпоху.

Откуда берутся идеи? Рефлексия, наблюдение образа жизни и его научное осмысление. Новая идея — всегда выражение логического противоречия: мысль ученого требует, чтобы мир был не таким, каков он есть. Но каким он должен быть? Этого не может сказать никакая наука. Здесь важна *убежденность*, непосредственная заинтересованность в обновлении мира.

В каждой революции массы становятся умнее. Но застои, приостановка революционного движения могут привести и приводят к утрате многого из того, что приобреталось кровью и потом. Идеи стареют. А вести вперед может только молодость, только избыток силы, оптимизма, мечты.

* * *

Поскольку социализм снимает классовые антагонизмы, *классовая борьба* при социализме не есть *борьба классов*. Это не значит, конечно, что идеология становится бесклассовой или внеклассовой. Это означает лишь, что классовость становится более содержательной, более глубокой — и не всегда может быть обнаружена на поверхности. Тем важнее твердая диалектико-материалистическая платформа.

* * *

Если раньше было достаточно принадлежать к рабочему классу, чтобы представлять передовую силу всего народа, — то теперь классовая принадлежность не является признаком партийности. Более того, сама партия перестает быть объединением наиболее сознательных членов общества. Сейчас существенны гораздо более тонкие характеристики каждого человека, нежели просто принадлежность к той или иной организации. Естественно, все определяется местом человека в исторически сложившемся способе производства — однако само это

«место» перестало быть однозначным, превратившись в иерархию, вполне соответствующую иерархичности самого производства. Не только отношение к производству *вообще* — но и отношение к каждому уровню его, к каждой из его областей, от землепашества или энергетики — до воспроизводства себе подобных и производства идей.

* * *

В империалистическом окружении необходима жесткая структура политической власти, способная стать основой дисциплины военного времени. Это вынужденная мера, как и огромные расходы на содержание многомиллионной армии, и создание новых видов вооружений. Однако уже сейчас необходимо закладывать фундамент того «общественного самоуправления», о котором мечтал В. И. Ленин. Не советы как орган *власти*, а советы как центры идеологической работы, точки концентрации экономической и социальной мысли всего народа — вот единственно правильная линия. Политическая власть не может быть отменена, и не может сама отмереть — ее надо упразднить самим развертыванием все новых форм самоуправления.

* * *

Политическая структура в стране необходимо должна определяться *партией рабочего класса*, ибо именно это есть та вообще последняя партия, целью которой является уничтожение всяких партий — вместе с уничтожением классов, которые они представляют. Только с полной победой социализма во всем мире возможно отмирание политической власти, а вместе с ней и партий как таковых. Однако в нынешнюю эпоху партия перестает быть *ведущей* силой общества, становится его функционером, а не лидером. Следовательно, само устройство внутрипартийной жизни должно быть изменено таким образом, чтобы партия не стала препятствием на пути новых социальных сил, которые не могут полностью развернуться в условиях соперничества социализма и капитализма, но которые все же определяют основную линию развития социалистического общества.

* * *

Революция — не цель, а средство. Революции ничего не решают сами по себе. Нужно не только вырваться из старого мира — но и закрепиться в новом. Как в физике: если придать шарiku достаточную энергию, чтобы он покинул потенциальную яму, наличие зон устойчивости более высокого уровня не поможет: либо энергии не хватит, и шарик вернется обратно, — либо ее невозможно вовремя погасить, и мы просто проскочим цель. Пока не сложились условия для перехода к новому равновесию, буржуазии выгодно время от времени спровоцировать революцию — чтобы массы на собственном примере убедились в невозможности перемен...

* * *

Почему европейские коммунистические партии скатились в болото ревизионизма? Отнюдь не из-за каких-то вывихов в их руководстве или желания хоть как-то обособиться, выпятить свои национальные чувства.

Французские коммунисты называют себя партией рабочего класса. Оставляя пока в стороне тот факт, что к рабочему классу апеллируют и социалисты, и лейбористы, и даже христианские союзы, — обратим внимание на само имя: «рабочий класс». Вспомним, что партия большевиков в России была партией *пролетариата*, а не «рабочего класса». Последний включает в себя огромное разнообразие слоев и политических сил, смешивать которые в кучу просто недопустимо. Есть рабочий и рабочий. Один задыхается от нищеты и голода — другой кормится подачками империалистической буржуазии. Один борется за право на жизнь — включая борьбу за мир, — другой производит оружие на военных предприятиях. Один

солидарен со всеми трудящимися в их стремлении к лучшей жизни — другой дрожит за свою шкуру и боится шагу ступить без разрешения капитала.

Свою лепту в опошление имени «рабочий класс» внесла и КПСС, утверждая, что, поскольку в СССР нет пролетариата, партия стала партией рабочего класса в целом, а теперь даже партией всего народа! Замечательная идея. Уж если авангард мирового революционного движения перестал различать своих и чужих в лабиринтах класса — значит, и другим дозволено путаться в идеологии.

Но вернемся к ФКП. Кого она представляет? Поверхностный ответ — французский рабочий класс. В действительности же дело обстоит гораздо сложнее.

Внутри рабочего класса различаются:

1. Слой зажиточных рабочих и рабочих военных отраслей. Эта группа кормится из доходов крупной буржуазии и включает в себя большинство профсоюзных лидеров. Для таких «рабочих» безработица — абстрактное понятие, нисколько их не касающееся, равно как и прочие социальные бедствия.
2. Слой обеспеченных рабочих — у них есть работа, регулярный доход, жилье и т. п. Они относительно независимы — или, по крайней мере, могут считать себя независимыми, «свободными» людьми. Эта группа в развитых капиталистических странах живет за счет ограбления колоний и развивающихся государств капиталистической сферы влияния, за счет эксплуатации своего же крестьянства и других уровней общества, не обладающих самостоятельностью существования. Этот слой является, наряду с крестьянами и ремесленниками, носителем мелкобуржуазной идеологии и смыкается с прослойкой рантье.
3. Слой неимущих рабочих, накрепко привязанных к необходимости продаваться, чтобы только выжить, свести концы с концами. Это пролетариат, наиболее революционная часть рабочего класса.
4. Слой рабочих-временщиков, кочевников и людей без определенных занятий. Большую часть года они не могут найти работы, скитаются по стране в ее поисках, берутся за любое дело — лишь бы заплатили. Это промежуточный слой между рабочим классом и люмпен-пролетариатом. Он находится под полным влиянием мелкобуржуазной идеологии, его социальный идеал не идет дальше регулярного дохода и материальных благ. Иммигранты.
5. Безработные. Деградирующая часть рабочего класса. Выключены не только из экономики, но и из классовой борьбы.

ФКП представляет отнюдь не всех французских рабочих, а только обеспеченный, мелкобуржуазный слой рабочего класса. Поскольку в империалистических государствах таковых большинство, благодаря интенсивному ограблению менее развитых стран, — создается видимость, что партия представляет весь рабочий класс. В результате даже пролетарии искренне верят, что коммунисты борются за их права, что они могут привести страну к социализму.

А кого же тогда представляют социалисты? Да ту же мелкобуржуазную прослойку! Но если коммунисты опираются на ее промышленную часть и на слой (подчиненных мелкобуржуазной идеологии) временщиков, то социалисты делают ставку на более отсталые и реакционные группы рабочих преимущественно аграрного и сырьевого сектора, а также часть зажиточных рабочих и большинство эксплуатируемой интеллигенции. Отсюда и различия в политике социалистов и коммунистов — различия эти не принципиальны. Поэтому и удавалось создавать широкие блоки «левых» сил, способные прийти к власти в условиях капитализма. Но приход к власти таких блоков и таких социальных сил ничего не меняет *в характере общественного устройства*. Смена власти представляет собой лишь переключение, смещение акцента в полностью *буржуазной* политике империалистических стран на доходы той или иной группы буржуазии: мелкой, средней или крупной. Социалисты и коммунисты — адепты мелкой буржуазии, пытающиеся урвать для нее кусок из доходов международных корпораций.

Однако ведущими в экономике являются именно крупные буржуазные предприятия — и потому пребывание «левых» у власти не может быть устойчивым.

* * *

Революции никогда не совершаются в интересах большинства — они происходят в силу исторической необходимости. Когда революция произошла, те слои общества, которым она нужна, еще до конца не сформировались, они находятся в процессе становления — и революция как раз устраняет исторические препятствия к их формированию. На момент революции подавляющее большинство населения живет в старом мире и не представляет себе ничего другого. Однако сложившиеся экономико-социальные условия заставляют инертные массы принять идеологию прогрессивного меньшинства и совершить то, на что это меньшинство никогда не стало бы способно само по себе.

* * *

Классовое общество органично: люди в нем — его органы. Разумное общество делает людей людьми.

* * *

Революция неизбежно выступает против самой себя: она разрушает собственные мотивы.

* * *

При любом раскладе рабу достается только смерть. Так лучше уж погибнуть в борьбе за свободу, чем умереть по вздорной прихоти барина.

* * *

В отличие от революции, переворот — не меняет общественного устройства. Часто он даже не затрагивает основы государственного устройства. С другой стороны, если революция не меняет принципы управления, она недостаточно революционна — и в конечном итоге общество скатится в прежнее болото.

Техника переворота (теория революции по Ленину) не имеет отношения к его содержанию. Она одинакова и в прогрессивных движениях, и в реставрации, и в конкурентной борьбе.

* * *

Революция — призыв к созиданию. Контрреволюция — разрушение нового. Исторический смысл контрреволюций в том, чтобы общество не застыло в собственных ошибках: это разрушение наших иллюзий, а не нашей мечты.

* * *

Революцию 1917 года можно по исторической значимости сравнить с открытием Америки: открыт новый мир, обживать его трудно, со всеми возможными перекосами, — но, так или иначе, он становится частью нашей Вселенной...

* * *

Пропагандистские перекосы в марксизме, увы, не редкость. Вспомним «пораженчество» большевиков в начале первой мировой. Да, по сути — все правильно, однако неудачная форма способна подвести под монастырь сколь угодно благородное содержание.

Еще пример — отношение европейских марксистов к колониальному захвату [напр., Фостер, *История трех интернационалов*]. Абстрактное размежевание добра и зла — пародия на марксизм. Да, это аморально. Но если страна этим не занимается, она впадет в экономическую зависимость от тех, кто не гнушается грабежом, и вынуждена будет подчиниться диктату извне, а в итоге — пойти на еще более аморальные вещи.

Нельзя жить в дерьме и не испачкаться. Политика не совместима с чистоплюйством, в ней главное — не абстрактная мораль, а то, ради чего мы вынуждены поступиться благородными принципами (не отказываясь при этом от своих убеждений). Изменить действующие правила можно только умело используя эти правила, играть на внутренней противоречивости бытия, которая, в конечном счете, и приводит к его замене на нечто более совершенное.

К сожалению, уподобление врагу делает человека врагом самому себе. Есть риск увлечься политическими играми, потерять видение цели, играть ради процесса игры. Такие жертвы классовой войны — трагичнее всех потерь.

* * *

Традиционно коммунистический идеал характеризуют формулой: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Буржуазный обыватель видит только вторую часть фразы — и требует, чтобы общество удовлетворило его обывательский спрос. Но на первом-то месте совсем другое, и это не случайность! Главная задача коммунистического общества — дать людям трудиться в соответствии с их (общественным) призванием, полностью раскрыть их таланты. При капитализме самое трудное — не добыть денег (их всегда можно украсть), а сделать что-нибудь достойное разумного существа. Капитализм больше всего боится людей творческих, которые своим примером показывают, что жить (то есть, трудиться) можно не только ради барыша, и что не все в мире продается и покупается. Поэтому возможности самораскрытия каждого буржуазия обрезают до уровня минимальной рыночной необходимости, а идеологические лакеи капитала доводят народ до клинического потребительства. Средства производства в руках господствующего класса — и этот класс следит, чтобы чего лишнего не произвели... Гениальность в условиях капитализма — умение найти нишу, которая еще не охвачена системой тотального контроля, и успеть продвинуться вперед до того, как власть предрешающая завалит дорогу дензнаками.

Революция — расчистка рыночных завалов. А дальше — надо творить.

* * *

Коммунизм можно строить — но построить его нельзя. Глупые обещания советской власти лишь подчеркивали бессмысленность ее благих начинаний. Даже если когда-нибудь классовая противоположность будет изжита в мировом масштабе, это отнюдь не отменяет необходимости повседневной борьбы за разумное переустройство человеческого бытия. Это дикая стихия не требует особых усилий: разрушиться все может и само по себе — а любая крупница человечности требует неустанной заботы и защиты от естественного разрушения. Оставленная без ухода постройка быстро зарастет бурьяном и начнет разваливаться. И чем больше мы всего построили — тем больше сил уходит на поддержание разумного миропорядка.

В этом глубокий смысл печально известного тезиса о нарастании накала классовой борьбы при движении к коммунизму.

Казалось бы, закономерный вопрос: когда-нибудь затраты на поддержание существующего положения вещей окажутся непомерно велики, и у нас просто не будет сил создавать что-то еще. Что это? Равновесие, кризис?

Но дело в том, что сама постановка вопроса предполагает природность развития, неумение сознательно выстраивать иерархию культуры так, чтобы всегда было возможно свернуть ее и

развернуть в новом направлении, где хватает простора для творчества. Сохранение культурного наследия — не консервация в формалине, и не бесконечная кунсткамера; опора на прошлое необходима — однако, если постройку нельзя восстановить, не следует ли искать таких способов воспроизводства, при которых подобные постройки вообще не нужны?

* * *

Там, где буржуазные способы организации производства и общества уступают дорогу принципиально иным, нерыночным культурным формам, никакое вмешательство извне их не пошатнет. Но как только роль организатора и регулятора отдана обособленному формальному институту (государству) — открывается широкое поле для подрывной работы. Нет такого государства, которое нельзя было бы использовать против него самого. Это бездушная машина, которой все равно, в чьих она руках.

Если в верхах мода на демократию — легко купить и вывести на улицы тысячи отщепенцев и недоумков, организовать кровавые провокации, натравить толпу на начальство и затоптать самое ценное, вытравить человеческое.

Если государство построено на началах жесткой централизации — достаточно внедрить во власть купленных людишек, подчинить внешнему влиянию аппарат — а все остальное по привычке повернет в нужную сторону по предписанию сверху, а когда народ спохватится — будет уже поздно.

Никакие сочетания, никакие правовые хитросплетения не спасут. На всякую механику найдутся свои рычаги.

* * *

Если мы переносим классовую борьбу в себя, она не перестает быть классовой борьбой. Весь мир так или иначе представлен в субъекте — общественно-экономическая организация не исключение. Но субъект — не просто кусок мяса, способный перемещаться в пространстве и производить иные телодвижения. В разных контекстах эта телесная оболочка может представлять самые разные общественные явления. Поведение каждого зависит от других, вписывается в общее дело и выстраивается по форме коллектива. Вот и оказывается, что записной марксист вдруг начинает проповедовать откровенную поповщину, а натуральный поп блеснет глубоко материалистическим отношением к действительности. То мы по одну сторону баррикад, то по другую... Внешне это выглядит непоследовательностью, идейными шатаниями. По сути речь об универсальности разума, о необходимости освоения любых сторон (прежде всего общественного) бытия. Погружение внешних противоречий внутрь субъекта неизбежно — только так он может свести противоположности воедино и заняться поиском разумности. Хаос внешних проявлений — следствие неразумности общественного устройства, навязывающего людям чрезмерно прямолинейную логику, застывшую глыбой льда. А оттаять души могут только в условиях реального потепления, которое по-своему несут в мир и накал страстей, и пламя творчества, и главным образом — повседневность труда.

* * *

Против организованной силы невозможно бороться в одиночку. Нужна другая организация. Однако архиважно упредить момент, когда эта другая станет такой же, как первая, — и не допустить превращения организации, орудия борьбы, в самодовлеющую силу. Любые организации должны исчезать, когда дело сделано, цель достигнута. Победитель погибает вместе со своим врагом.

Возможно ли такое на практике? Если речь идет о партиях — однозначно нет! Партия изначально подчинена инстинкту самосохранения, ей важно продолжить себя любой ценой —

даже отказываясь от окончательной победы. Пока речь идет о замене одного способа угнетения масс другим, это не принципиально. Если же надо пойти дальше государственного переворота, уничтожить государственность как таковую, нужна организация нового типа. Подвижная и распределенная — но сталь при необходимости сопротивления. Централизация не по уставу — а по сути дела, в зависимости от текущих задач.

Очевидно, если исходить из политики, из субъекта — так не получится. Решение может быть только экономическим: нужна не политическая, а производственная структура, проникающая во все сферы общественного воспроизводства, с возможностью контроля любых формальных структур, включая силовые ведомства. Проникновение и разложение военной промышленности изнутри. Устранение классовой монополии на распространение знаний. Беспощадная борьба с наркотой, в любых проявлениях. Против прессы, против авторских прав. Без произвола мнений, без подтасовки фактов. Любая информация — только централизованно, из единого источника, открытого всегда и для всех. Это кажется невероятным: нас грызут вековые страхи, привычка думать, что любое слово могут использовать против. Однако такие опасения нам навязаны сверху, а на самом деле использовать открытое против можно только если оно открыто не до конца; если же нечего скрывать — исчезает сама возможность «разоблачений». Тайна — это коммерция: пока не хватает света — будет мрак.

* * *

Ленин указывал, что коммунистическая партия — это лишь верхушка айсберга, официальное представительство того, что не вписывается ни в какую официальность. Основная работа — вне партии. В частности, фракция коммунистов в любом парламенте — исключительно в качестве средства пропаганды, как еще одна трибуна. Глупо надеяться на законодательные реформы. Революционное движение — не может быть парламентским, даже если при каких-то правовых установлениях оно разворачивается легче, чем в других условиях. Наконец — есть ленинская идея советов как принципиально непарламентских органов самоуправления, как переход к прямому самоуправлению при коммунизме.

Ушел Ленин — и все свели к обычному буржуазному парламентаризму, к представительной демократии вместо прямого участия каждого в делах общества...

* * *

Печальная судьба Острова роз наглядно показывает, что не может быть никакой свободы в рамках рыночной экономики и порожденных ею форм государственности. С точки зрения буржуазного права, решение об уничтожении республики было совершенно законным и единственно верным. Эсперантисты и хиппи не понимали, что области вне юрисдикции каких-либо существующих государств не лежат вне правового поля вообще: их статус определяется международными соглашениями. То есть, строительство острова роз было бы возможно только при наличии международного акта, подтверждающего права строителей на исключительное распоряжение освоенными территориями. А такого согласия никто никогда не даст. Хотя бы потому, что подобный прецедент вызвал бы лавину силовых захватов и полный передел собственности на поверхности Земли; это автоматически приводит к огосударствлению воздушного пространства, а в дальнейшем и ближнего космоса.

Разумеется, хрупкое равновесие не может сохраняться вечно. Повод для войны найдется всегда. При удачном стечении обстоятельств, дележка начнется в космосе, на других планетах. Тогда у Земли будет в запасе несколько сотен лет, в течение которых необходимость присвоения земных ресурсов просто отпадет.

В этой связи остается только удивляться мудрости Маркса, изначально представлявшего коммунизм как внегосударственное, наднациональное движение. С точки зрения классовой борьбы, государство не может быть пролетарским — даже если считать его временной мерой,

инструментом перехода к бесклассовому обществу. Российские революционеры, говоря о рабоче-крестьянской государственности, лукавили: защита интересов какого угодно класса ведет к консолидации эксплуататорских элементов внутри этого класса, к его неизбежному расслоению и перерождению. В начале XX века неграмотные массы просто не поняли бы призывов к самоуничтожению рабочего класса, в союзе с трудовым крестьянством. Революция (не путать с государственным переворотом!) — это классовое самоубийство.

Противоречие кажется неразрешимым: с одной стороны, сохранение государства как формы организованного насилия приводит к возрождению классового расслоения; с другой стороны, невозможно противостоять хорошо организованному классовому врагу без столь же мощной системы подавления. Если бы на Острове роз разместили ракеты с ядерными боеголовками, да поставили по периметру авианосную флотилию, — его так просто было бы не взорвать... Хотя, как показывает опыт СССР, со временем уничтожили бы все равно.

Единственная возможность сохранить верность идеям бесклассового мира — быть вне классов. Как только мы классовые интересы принимаем близко к сердцу — мы боремся уже не за уничтожение капитализма, а за его сохранение. Тем более это касается всевозможных общественных движений, которые правящий класс плодит в целях размывания классовой идентичности рабов. Надо поддерживать любые усилия, объективно подрывающие господство капитала, — но не позволять себе втянуться в борьбу, предать великую цель ради пафосной революционности. Сообщество связанных единством цели людей по всему миру — это не партия, не однородная масса; это союз единомышленников — даже если они не знают о своем духовном родстве. В условиях классовых репрессий такие люди могут не афишировать свои взгляды, уйти в подполье, на публике оставаясь представителями самых разных социальных групп. Понятно, что средства духовного производства при капитализме остаются в частном владении, как и все остальное. Организовать единое поле общения для поборников идеи бесклассового общества — утопия. Как бы мы ни шифровали переписку, само возникновение единой (даже децентрализованной) структуры предполагает возможность классового контроля. Поэтому важно использовать все имеющиеся средства — свободно переходить от одного к другому, не ограничиваясь ничем. Борьба за построение нового мира опирается на самые современные технологии — и даже идет на шаг впереди, подхватывает едва заметные тенденции.

Будучи органически связаны с наличными формами экономического и общественного устройства, люди будущего способны проникнуть в любые уголки, закрепиться на всех уровнях. Не всегда разумно атаковать систему в лоб: чаще нужна долгая и кропотливая работа по разрушению устоев изнутри. Капиталисты хорошо это умеют — и не грех поучиться у них. Когда же антикапиталистическое сообщество распространит свое влияние на весь мир (включая освоенную к тому времени часть космоса) — это и будет тем самым «государством над государствами», формой организации, способной противостоять любому организованному насилию. И можно будет свободно высаживать розы.

* * *

Ленин полагал, что империализм — высшая и последняя стадия капитализма. Однако не хватает логической завершенности: на смену классическому капитализму и империализму должно было бы прийти нечто вроде их синтеза, соединение сильных сторон и слабостей того и другого. Судя по опыту нашей эпохи, на эту роль уверенно выдвигается *глобализм*.

Империализм переводит отношения между странами на рыночные рельсы. Важен не товар — важны деньги. Вывоз товаров заменен вывозом капитала. Размещение производств зависит уже не от географического расположения или местных традиций — это сугубо финансовый вопрос. Любое производство можно поставить в любом месте — если это кому-то выгодно. Вопросы логистики также решаемы. Однако мировая экономика в эпоху империализма еще не стала единой, и вместо международного разделения труда — система силового диктата, феодализм.

После распада колониальной системы ситуация изменилась. Теперь богатый уже не диктует бедняку — он вынужден покупать право использования производственных ресурсов. Диктат остается — но уже в форме неоколониализма, экономического принуждения продавать себя по бросовым ценам. Вполне подобно тому, как в эпоху классического капитализма пролетарий продает рабочую силу. Разумеется, есть и аналоги элиты: некоторые страны специализируются на вывозе высоких технологий и стоят гораздо выше не мирового рынка.

Однако этого недостаточно. Переход капитализма на качественно новый уровень связан с глобализацией, отказом от концентрации производств, с возможностью их распределения по всему миру и перебазирования при любой необходимости, в зависимости от рыночной конъюнктуры. Только тогда мировая экономика становится единой системой, целостностью, управляемой из общего центра (кучка сверхдержав). Переживаемая миром компьютерная революция во многом этому способствует: все процессы управления производством (и финансовые потоки) сводятся в единую сеть.

Таким образом, строение мировой экономики воспроизводит строение классического капитализма — но система империалистической дифференциации достигает предела: буржуазия и пролетариат консолидируются как классы в международном масштабе.

Трудно сказать, насколько это приближает конец капитализма. Здесь так легко выдать желаемое за действительное. Однако возможность одним махом взять под контроль всю мировую экономику — явление совершенно новое, и шансы на успех революции значительно возрастают. Свои коррективы внесет космическая экспансия — но тут что-либо предсказывать было бы преждевременно.

* * *

Классическая работа Ленина: *Удержат ли большевики государственную власть?* Уже в названии полный букет концептуальных неувязок, отступлений от коммунизма. Разумеется, по содержанию — все нормально: решаем задачи текущего момента. Но название сразу бросается в глаза — и следовало бы аккуратнее.

Задача революции не в том, чтобы на место одного государства поставить другое; это ничем не отличалось бы от буржуазной ротации властей или государственных переворотов. Речь идет о принципиальном отказе от государственности как таковой — хотя и с использованием старых рычагов управления (тоже классовое понятие!) на первых этапах. Изменения могут быть почти незаметны — но их надо всячески подчеркивать, сдвигать акценты с управления на самоуправление (в противоположность самоуправству). Сдвиги в сознании, привычка мыслить другими категориями, — мощнейший стимул развития экономики (а иначе ей и развиваться-то незачем). Таким образом, вместо государственной власти — выдвинуть коммунистическую общественную организацию, ориентировать массы на большую цель. Но отсюда следует, что просто удерживать — недостаточно: надо строить, создавать то, чего в истории еще не было. Дело как раз в том, что нет ничего готового, что можно было бы захватить и защищать. Каждый день придется что-то придумывать, чтобы общество становилось другим. Остановка = смерть, контрреволюция.

Некорректные лозунги подтачивают идею. Тот же текст вполне можно было озаглавить иначе. Например: *Сможем ли мы строить коммунизм?* Здесь все по существу — и о том же, но уже в другом ракурсе: не война и политика, а движение вперед несмотря ни на что.